

Снежана Павлова

«Долго пахнут порохом слова...»

23 февраля 1990 года умер советский поэт Давид Самойлов.

Давид Самойлов – один из поэтов, рожденных Великой Отечественной войной, который не участвовал в официозной писательской жизни, сторонился политики.

Как это было! Как совпало -
Война, беда, мечта и юность!
И это всё в меня запало
И лишь потом

во мне очнулось!..

Мы нашли старшего сына Д. Самойлова, **Александра ДАВЫДОВА**, писателя, переводчика и издателя, в Москве и узнали, как КГБ пыталось завербовать Самойлова, почему он усомнился в Борисе Пастернаке и что связывало его с дочерью Сталина.

Давид Самойлов

Имя отца мешало

– Ощущалась ли особая атмосфера в семье писателя?

– Атмосфера, конечно, была особая. Хорошо помню еще 50-е годы. Тогда у нас собирались самые, наверное, талантливые

и умные люди поколения моего отца. Не только поэты, но и художники, ученые. Все еще довольно молодые, в большинстве все не знаменитые, но уже на пороге известности. Именно в их беседах формировалась идеология и эстетика будущего – то, что называют шестидесятничеством. Но я-то не воспринимал эту атмосферу как «особую». Я жил в среде литературы – отцовских стихов и запыленных книжных полок. Существовал, окруженный литературным бытом, когда «поэт» – не экзотика, а обыденное состояние человека. Все исключения я считал нормой. Для меня было удивительным, если кто-то НЕ писал стихи или вообще НЕ обладал каким-либо талантом. К этому высочайшему уровню я относился как к норме. Может быть, поэтому и сохранил слишком, наверное, большую требовательность к людям, что мне жизнь отнюдь не упрощало.

– Каким отцом был Давид Самойлов?

– Он очень любил всех своих детей, но нельзя сказать, что был внимательным, «хорошим» в привычном смысле отцом. Как я написал в своих лирических воспоминаниях «49 дней с родными душами», отец с малолетства подавлял нежность своей натуры, да и вообще всю жизнь изображал презрение к тонким чувствам. Но не был и строг. Вполне попустительствовал неисполнению мною мелких детских повинностей. Всего пару раз я видел его в гневе. Признаюсь, было жутковато, главное – своей неожиданностью.

Но, с другой стороны, он был больше чем «хорошим», так как почерпнуть от него можно было бесконечно много. Отец был склонен к поучениям, но они оказывались столь банальны, что обижали меня даже в ранние годы. Некоторые из истин действительно были мудры и пригодны, но все равно чересчур настойчивы, если не сказать настырны. Отец явно гордился своим постижением простейшего. Меня ж сердило, что сам, проживая жизнь сложно и необычно, он меня пытался приохотить к совсем уж простецкому. Вынужден признать, что отец где-то оказался и прав, возвращая меня к реальности, о которой, впрочем, сам имел довольно фантастическое представление.

– Как отец оценивал ваши первые творческие шаги? Помогал ли в оттачивании пера?

С женой Ольгой (Лилей)

– До 15 лет я писал стихи, отец их весьма одобрял. Когда ж годов к 30-ти начал писать прозу, у отца она вызывала явное раздражение, хотя и уважение также. Как-то он себе по-другому представлял прозу следующего за шестидесятниками поколения. В «оттачивании» не помогал впрямую. Его прямые поучения были не слишком интересны. Он разве что научил меня отличать ямб от хоря. А я все ждал выражения словами той бездонной прозрачности, что питала его стихи и личность. Но отец, человек не только вдохновения, но и мысли, блестяще умевший разъяснять и объяснять, упорно молчал о важнейшем. В оставленных им записках отец трактует многое, вплоть до политики, в которой, кстати сказать, был замечательным провидцем. При этом о литературе рассуждает наименее интересно. При этом, внимательно прислушиваясь к его «проговоркам», можно было очень многому научиться, как в литературе, так и в жизни.

– Помогало ли вам когда-либо имя отца?

– Имя отца не помогало, а скорее, мешало. Так что наше родство я никогда не афишировал. Кстати, во времена борьбы с ту-

неядцами, когда процветала государственная настороженность к людям творчества, отец сам мне советовал любопытствующим отвечать на вопрос «Кто твой отец?» не торжественным «поэт» или, там, «писатель», а скромным – «переводчик». Признаться, я не любил отцовскую славу. Да и за что? Мне от нее не было пользы, а между нами с отцом она не то чтобы проложила социальный барьер, но из личного моего достояния отец превратился в достояние общественное. «Я не человек, а учреждение», – выразился коммунистический классик. Он поскромничал – целое министерство, и не из мелких. Но и любой известный человек уже не вовсе он сам, а институция. Да времена тогда еще были дурные, слякотные, вечное сейчас, не предполагавшее перемены. Отец превратился в небольшое учреждение, со своим штатом, интригами и субординацией. Я был строптив, а с отцом в период его славы стал подчеркнуто фамильярен, сознательно руша субординации. По наивности я надеялся, что нас сблизит общая беда – смерть мамы, которую и он переживал остро и трагично. Мамина смерть, пожалуй, нас с отцом еще больше развела.

– Многие вспоминают, что он любил повеселиться, покутить.

– Вроде бы и Пушкин не был аскетом! Да, отец был человеком компанейским, артистичным, блистательно остроумным. И повеселиться любил, и покутить, в чем его сейчас упрекают угрюмые зануды из «почвенников». Ему как артисту нужна была аудитория, атмосфера дружеского застолья его окрыляла. Надо сказать, что дома он бывал совсем другим – задумчивым и немногоречивым, не стремился развлечь.

Ахматова высоко ценила талант

– Кого-то из известных друзей отца помните?

– Любимова, переводчика, помню хорошо с раннего детства. С поэтом Левитанским отец в первой половине 60-х снимал зимнюю дачу в Шереметьеве, куда я приезжал на каникулы и выходные. В том же поселке «Литературной газеты» проводил зимы и Булат Окуджава, познакомившись с которым, я на него обиделся.

ся, так его облик, с моей точки зрения, не соответствовал его песням. Он был лысоватым, молчаливым, угрюмым. А Фазиль Искандер стал нашим соседом по писательскому дому у метро «Аэропорт» (со второй половины 60-х), тогда я с ним и познакомился. С Зиновием Гердтом и Лидией Чуковской Давид Самойлов сдружился значительно позже, уже после того как развелся с моей мамой. Когда бывал у отца в гостях, Гердта видел многократно, Чуковскую несколько раз.

– Не могу не спросить о встречах Самойлова с Анной Ахматовой. Как состоялось их знакомство?

– Ахматову я, увы, не видел ни разу. А Давид Самойлов писал в своих «Памятных записках», что позвонил ей, и Анна Андреевна пригласила прийти. Встречались всегда с Ахматовой, когда она бывала в Москве, или он оказывался в Ленинграде. Ахматова высоко ценила талант Самойлова. Много стихотворений посвящено ей. Самойлов считал Ахматову последним гением в русской поэзии.

– Вся жизнь Самойлов тесно дружил с поэтом Борисом Слуцким, который, однако, выступил против Бориса Пастернака на собрании Союза писателей СССР. Как отец отнесся к этому? Ведь он уважал Пастернака, был с ним знаком и даже по воле судьбы умер на вечере его памяти.

– Давид Самойлов в юности боготворил Пастернака, все его стихи знал наизусть. После войны в нем усомнился, даже написал антипастернаковское стихотворение «Пастернаку», которое, однако, не стал публиковать. Как раз из него и ясно, почему усомнился. Самойлову казалось, что война четко разделила мир на белых и красных, друзей и врагов, а Пастернак все усложняет. Мне, к сожалению, с Пастернаком на даче Всеволода Иванова в Переделкино, где я в детстве бывал с родителями много раз, повстречаться не удалось. Знаю, что травлей Пастернака отец был возмущен. И выступление Слуцкого, с моей точки зрения, было подоплекой их разрыва на несколько лет. Потом они опять сошлись. Смерть Слуцкого (дружили с юности) отец перенес с необычайным драматизмом, как предвестие своей собственной. Напомню, что смерть их выпала на одну и ту же дату. Только отец умер на четыре года позже. В последний месяц стал звонить мне

часто, бывало, два раза в день. И говорил он со мной непривычно тепло, без упреков и житейских поручений. Свои звонки отец объяснял тревогой обо мне – в ту пору ходили слухи о готовящихся зверствах. Но опять мы не сказали друг другу ничего важного, да было ли чего важней этой прощальной заботы? Отец предчувствовал, а я вот нет. Моя точная в мелочах интуиция отказывала в самые грозные минуты. Видимо, подавлялась нежеланием знать трагическое будущее. В тот вечер отцовской смерти я был спокоен и деловит, ждал заграничного звонка, который и прозвучал в срок, но только принес совсем другую, чем я ожидал, страшную весть.

– А в каких отношениях Самойлов был со всем известными «шестидесятниками»?

– С большой симпатией относился к Ахмадулиной, хотя в его дневниках попадаются и раздраженные реплики. Евтушенко знал с его ранней юности и очень хорошо относился лично. «А все-таки Женя хороший», – отвечал тем, кто ругал Евтушенко. Самойлов признавал его талант, но как поэт Евтушенко был ему не близок. Также и Вознесенский, с которым общения почти не было. Рождественским Давид Самойлов вовсе не интересовался.

– Кого выделял из более молодых поэтов?

– Бродского. И считал его самым талантливым из современных поэтов.

Цензура не жаловала

– Почему Давид Самойлов не состоял в рядах партии после войны?

– Это малоизвестные эпизоды из жизни Давида Самойлова. На фронте он вступил в партию, но, вернувшись в Москву, не встал на партийный учет и таким образом выбыл. Каким-то чудом ему это сошло, не дознались. В начале 50-х его вербовали в стукачи, и он отказался. И это сошло с рук, так как вскоре умер Сталин.

– Наверняка был на прицеле у КГБ?

– В брежневские годы, наверное, КГБ за всеми следило. В нашем писательском доме все телефоны были на прослушке, а лифтерши числились сотрудницами КГБ в мелких чинах. К тому же

Самойлов дружил и открыто общался с диссидентами: Даниэлем (ему после лагеря помогал с работой), Сахаровым, Копелевым, Анатолием Якобсоном, уже помянутой Чуковской (не так давно издательство «НЛО» опубликовало книгу их переписки) и другими. Но Давид Самойлов не был по своей натуре революционером, он избегал интеллектуальной и эстетической зависимости от какого-либо круга: как от власти, так и от диссидентского. Как-то в середине, по-моему, 70-х, его вызвал секретарь Союза писателей бывший (или не бывший) генерал ГБ Ильин и потребовал «прояснить свою позицию: все-таки с нами вы или не с нами?». Ответ Давида Самойлова был краток: «Пошел ты на х...». А тут еще в дверь заглянул Войнович и хихикнул. Такой вот вышел для генерала конфуз. Однако надо ему отдать должное: не мстил. Опять сошло. Наверное, просто везенье. Есть еще и такая история. Однажды фотограф Виктор Перелыгин (благодаря которому последующие поколения получили целую галерею фотоматериалов о жизни поэта) поехал провести живших в Калининграде родственников. Обедая в ресторане города Черняховска, он увидел за другим столиком подозрительно знакомого человека. Через несколько недель он вспомнил его, увидев выходящим из здания пярнуского отделения КГБ. Самойлова эта новость несколько не удивила. «Они проверяли, не передаете ли вы от меня какое-нибудь послание в черняховскую психушку». В этом заведении, как оказалось, содержались «ненормальные», подвергающие сомнению идеи и дела КПСС.

– И тем не менее, хоть как-то сказалось такое положение дела на писательской судьбе?

– Конечно, неприятности у него были, так как советскую власть раздражала его независимость. После того как Давид Самойлов подписал письма в защиту Синявского и Даниэля, а потом Гинзбурга и Галанскова, был рассыпан уже готовый набор его книги и несколько лет его не печатали. Да и вообще, пакостили по мелочам, не выпуская, к примеру, за границу.

– То есть советская цензура не миновала творчество Самойлова?

– Да, цензура его не жаловала. Более или менее регулярно он стал печататься (имею в виду стихи, а не переводы), когда ему

было уже за 35, а первая крошечная книжечка вышла, когда было под 40, – для поэта очень поздно. Известность он приобрел, когда ему было уже за 50. Однако сказать, что его творчество от нее пострадало, нельзя. Самойлов ведь не был поэтом политическим. Ничего принципиально «непечатного» в его архиве не обнаружилось. В общем, опубликовал при жизни все, что считал нужным. Конечно, судьба отца видится благополучной в сравнении с другими литературными российскими судьбами, словно б его Бог упасал или отцовская молитва. Войну прошел с одним нетяжелым ранением. Тюрьмы избежал, которая совсем уж была рядом, когда его вербовали в стукачи. Но вовремя умер тиран. Дождался славы, нисколько не поступившись собой. Даже наше угрюмое государство, в конце концов, пошло с ним на мировую, удостоив пары наград.

– Почему отец не ставил даты под своими стихами?

– Даты он ставил, как правило, задним числом, и очень условные. На вопрос, почему он так поступает, кому-то Самойлов ответил: «Не хочу отнимать хлеб у литературоведов».

– С чем связан переезд Давида Самойлова в Эстонию?

– Да все, наверное, надоело. И общая ситуация была в то время, в 80-е, мрачная. Да и дружеское общение уже стало тяготить. Захотелось тишины. Притом летом в Пярну, где жил со второй женой отец, съезжалось множество его друзей и знакомых, толчея в их доме была еще какая! Но это только на пару месяцев.

Через 50 лет откроют письма Аллилуевой

– Это правда, что у Давида Самойлова и дочери Сталина был роман, о котором шепталась вся Москва?

– Роман был, об этом очень подробно написал в своих воспоминаниях друг Борис Грибанов. Он рассказывал, что отец оказался рядом за одним столом со Светланой Сталиной, которая после смерти отца взяла фамилию матери – Аллилуева, в доме Анастаса Микояна, который был в то время Председателем Верховного Совета СССР. Случайная связь переросла в длительные и довольно серьезные отношения. Светлана была натурой очень эмоциональной, влюбчивой, готовой до конца отдаться каждой

новой влюбленности, готовая всем пожертвовать ради любимого мужчины. Позже Светлана вышла замуж за индийского коммуниста, работавшего переводчиком в Москве. Он умер, Светлана получила разрешение отвезти прах к нему на родину, в Индию. Там она решила не возвращаться в СССР и, в конце концов, оказалась в США. Как-то, будучи в Грузии, Светлана узнала у кого-то из грузинских поэтов адрес Самойлова в Пярну и написала ему письмо. У меня осталась пачка ее писем Давиду Самойлову, которые он просил уничтожить (притом все же оставил их у меня). Не знаю, стоит ли в данном случае исполнять волю умершего. Может быть, отдам в московский Литмузей с запретом обнародовать лет на 50.

– Есть ли в репертуаре московских театров спектакли, поставленные по произведениям Самойлова?

– В московских театрах уже нет. Да, собственно, и были-то только «Павшие и живые» (в соавторстве) в Театре на Таганке и его стихотворная драма «Сухое пламя» в Театре им. Ермоловой в 90-х – совершенно бездарная постановка.

– Стихи Давида Самойлова можно слышать со сцены от артистов разных поколений: от Михаила Казакова до Максима Аверина. Как вы считаете, доносят ли они до сердец слушателей все то, что хотел сказать своей поэзией Самойлов?

– Лично я вообще не очень признаю чтецов. Однако Самойлову повезло: его читает Рафаэль Клейнер, один из немногих чтецов, кто не убивает поэзию (кстати, его именно Давид Самойлов и учил читать стихи), а также несколько талантливых и понимающих поэзию актеров – в первую очередь, покойный Гердт и ныне здравствующий Райкин.

– Как прошло в Москве в 2010 году 90-летие со дня рождения Давида Самойлова?

– Прошло с большой помпой, даже неожиданно: несколько крупных вечеров, конференция. На вечере в Центральном Доме литераторов был полный аншлаг, что теперь редко бывает. Чувствовалось, что интеллигенции среднего и старшего поколения он по-прежнему дорог. А молодые, думаю, его совсем не знают.

Фото из личного архива Александра Давыдова